

**Головачева И.В. Фантастика и фантастическое:
поэтика и прагматика англо-американской фантастической литературы.
СПб.: ИД «Петрополис», 2013. 412 с.**

В современном российском академическом литературоведении исследования фантастической литературы и ее различных жанровых вариаций (хоррора, научной фантастики и т. д.) по-прежнему явление редкое. При этом регулярно выходящие переводы зарубежных исследований указывают на несомненный интерес к данной проблематике¹.

Книга И.В. Головачевой – первое по-настоящему теоретическое исследование фантастической литературы в отечественном литературоведении (последняя аналогичная книга выходила в России в 1985 г.²). Необходимость в обобщающем исследовании такого рода давно назрела; труд И.В. Головачевой чрезвычайно актуален и сопоставим с «Дискурсами фантастического» Ренаты Лахманн.

Большинство авторов, творчество которых рассмотрено в книге, можно отнести скорее к предтечам жанра, чем к фантастам в строгом смысле слова: это Э.А. По, Н. Готорн, Г. Джеймс. Кроме того, в основном материалом исследования является американская литература – помимо перечисленных авторов, проанализировано творчество А. Азимова, О. Хаксли.

Автор исследует фантастику как жанр, объединяющий следующие направления: научную фантастику (science fiction), готику и фэнтези. Эти «институализированные жанры» привлекают ученого зыбкостью границ между близкими поджанрами. В качестве необходимого инструмента анализа введено также понятие «фантастического», с помощью которого зачастую то или иное произведение и относят к жанру фантастики. Тем не менее исследовательница видит существенную разницу между «фантастическим» и фантастикой как жанром. При этом сам термин «фантастическое» понимается традиционно: это элемент невозможного в произведении, который не получает реалистичного объяснения. С другой стороны, поясняет автор, «понятие “фантастическое” нам необходимо для обозначения особого способа репрезентации странного, чужого, иного, отчужденного» (стр. 16)³. Эта цитата уже приоткрывает сущностный интерес Головачевой: это проблематика взаимоотношений *Я и Другого*.

¹ См., напр.: *Кайуа Р.* В глубь фантастического. Отраженные камни / Пер. с фр. Н. Кисловой. СПб.: Иван Лимбах, 2006.

² *Чернышева Т.А.* Природа фантастики. Иркутск: Изд-во Иркутского ун-та, 1985.

³ Цит по: *Головачева И.В.* Фантастика и фантастическое. СПб.: ИД Петрополис, 2013. Здесь и далее в скобках указаны страницы.

разработки данной темы унаследован Головачевой от другого исследователя фантастического, Цв. Тодорова, о чем автор открыто заявляет, приводя соответствующую цитату из работы фантастоведа (стр. 12).

Головачева анализирует существующие в отечественной и зарубежной критике и литературоведении определения и разграничения поджанров фантастики, такие как «литература ужаса», «научная фантастика» и т. д., и не удовлетворяется ими. Концентрируясь на проблематике раскрытия границ другого, чужого, иного, Головачева видит более глубокие перспективы фантастики: «Фантастическое как форма выражения более произвольного, свободного вымысла позволяет расположить чуждое в самом центре обыденного, приподнять завесу конечной реальности, некоего центрального смысла бытия» (стр. 17). Позицию Головачевой можно сблизить с точкой зрения Р. Лахманн на фантастику: «В отличие от нефантастической литературы, играющей роль “протоантропологии” <...>, литературная фантастика выходит за границы антропологических будней и предлагает себя в качестве мета- или даже антиантропологии» (стр. 20).

Исследователь смело вводит иные определения данных явлений. Книга, собственно, и посвящена построению границ между поджанрами фантастики и описанию наполнения отдельных поджанров.

Уже в творчестве столь раннего фантаста, если его вообще можно отнести к представителям данной литературы, как Г. Джеймс, Головачева находит существенный сдвиг к плюралистичности, расширению ограниченности мировосприятия, переход к восприятию «открытой Вселенной»¹. Так, выявлена взаимосвязь художественных произведений Генри с книгой его брата Уильяма «Мир с плюралистической точки зрения» (стр. 39–48). Именно в творчестве Г. Джеймса определяется как одна из ведущих тема «рефлексии и саморефлексии, размышлений о содержании “Я”, о возможности его познания, о доступности восприятия “Я” как единого целого» (стр. 125). Одним из ключевых моментов, формирующих творческую новизну и причастность произведений Джеймса к фантастическому, является поиск границ познания, «осознание истины как процесса, принятие того, что истине может быть присуща двойственность, что привело Генри Джеймса к пониманию невозможности всеобъемлющего знания и понимания» (стр. 43).

Отдельная глава книги посвящена творчеству О. Хаксли, чьи труды уже становились темой исследования И.В. Головачевой².

В книге детально прослежена эволюция «готического» как особого комплекса тем и образности, выход «готического» в другие жанровые зоны, такие как фэнтези и sci-fi (стр. 258–259). Головачева отмечает особые функциональные образы, такие, как монстр, которые вследствие своей «высокой валентности» (способности порождать сюжет. – *Е.Н.*) способны быть центром [произведения] фэнтези, “готики” и научной фантастики» (стр. 150). Анализируя общие элементы поджанров, автор выявляет тенденции их развития. Так, взаимодействие утопии с научной фантастикой стало плодотворной ветвью, поддерживающей существование жанра утопии в наши дни.

Двойничество и его функции и вариации – сквозная тема книги, один из фокусов интереса Головачевой. Исследовательской находкой И.В. Головачевой можно считать сопоставление роли призраков, их сюжетных функций в «Повороте вин-

¹ См.: *Койре А.* От замкнутого мира к бесконечной Вселенной. М., 2001.

² *Головачева И.В.* Наука и литература: Археология знания Олдоса Хаксли. СПб.: Факультет филологии и искусств СПбГУ, 2008.

та» Г. Джеймса с Тенью Отца Гамлета, а также определение оборотничества как варианта двойничества (стр. 167).

Анализируя отдельные устойчивые мотивы и образы фантастики, такие как Монстр, Вампир, оборотничество, двойничество и т. д., Головачева доходит до глубинных содержательных уровней и выявляет основную смысловую функцию каждого мотива. Головачева достигает этого посредством «раскрытия интертекстуальных связей, т. е. анализируя своеобразную эстафету [образов], передающих по наследству закодированные в этом архетипе смыслы от произведения одного автора к тексту другого» (стр. 22). Так, оборотничество выступает способом актуализации тем трансгрессии, стирания границ и их необходимой первичной проблематизации, проблеме нормы / альтернативы.

Не слишком удачна достаточно громоздкая терминология, определяющая типы фантастического: сверхъестественное как не/реальное, научная фантастика как не/реальное... Опора на термины классического труда Цв. Тодорова «Введение в фантастическую литературу», сами по себе не вполне прозрачные и ясные, скорее затрудняет понимание для непрофессионального читателя, чем облегчает его. В поисках необходимого основания для отделения фантастики от фэнтези, Головачева опирается на когнитивность, относя НФ к жанрам «не только описывающим, но и проблематизирующим, взывающим к рациональному, аналитическому пониманию» (стр. 208). Хотя подобное ограничение едва ли может успешно служить разграничивающим принципом, в задачи исследования не входит определение фэнтези.

Головачевой удается увидеть одну из основных сложностей, приводящих к огромным трудностям в создании терминологии фантаствоведения: фантастическое не обязательно является фантастикой, а в фантастике может не обнаруживаться фантастического – эту мысль автор пытается донести до читателя на протяжении всей книги (стр. 92, 258, 377). Продолжая исследование различных поджанров фантастики, Головачева в главе о футуристически ориентированных типах фантастики: апокалиптической, постапокалиптической и утопической вариациях – приходит к выводу, что существующую классификацию необходимо поставить под сомнение и признать, что никакой единой фантастики просто не существует (стр. 259).

Несмотря на то что элементы и мотивы фантастического как целостность зачастую атрибутированы как маргинальные, Головачева подчеркивает: цель исканий писателей в этом русле размышлений далека от маргинальности и незначительности. «Подлинная тема любого фантастического произведения – именно человек или то, что имеет столь непосредственное к нему отношение, что определяет его жизнь и мышление» (стр. 152). При этом фантастика делает огромный шаг вперед по сравнению с готикой, поскольку в ней *Абсолютное другое* – дабы слияние с ним стало хотя бы потенциально возможно, то есть мыслимо, – перестает быть оппозицией по принципу «свой – чужой», это противопоставление в фантастике стремится быть снятым и исчезнуть (стр. 152–153).

Головачева видит основные когнитивные перспективы исследований современной готики и фэнтези в анализе «того, как человек сам себя представляет в новых (например, трансгенных и трансгендерных) координатах» (стр. 153, 180). Это координаты «расширения и обновления антропологической системы координат», в которой «чуждое расположено в самом центре обыденного» (стр. 152, 17). Причина того, что именно эти темы активно реализуются в современной ли-

тературе, кроется, на взгляд исследователя, в «сомнении человека (человечества) в перспективности человеческого» (стр. 23).

Книга будет полезна не только ученым, занимающимся специальной проблемой жанров. В процессе определения границ (под)жанров Головачевой удастся охарактеризовать внутреннее содержание, смысловое наполнение видов фантастической литературы. «Фантастика и фантастическое» будет ценным инструментом для ученых, исследующих тематику и проблематику фантастической литературы, ее предысторию и зарождение, а также эволюцию и дальнейшие перспективы развития и взаимопроникновения поджанров. Исследование, несомненно, представит новые ракурсы темы футурологам, исследователям творчества Н. Готторна, Г. Джеймса, Э.А. По, О. Хаксли.

Помимо собственно филологов, антропологов и других исследователей такого междисциплинарного и кросс-уровневого феномена, как фантастическое, труд И.В. Головачевой обращен к широкому кругу читателей, увлеченных проблемами антропологических границ личности, познания и перспектив литературного процесса.

Сведения об авторе:
Евдокия Антоновна Нестерова,
аспирант
филологический факультет
МГУ имени М.В. Ломоносова

Evdokia A. Nesterova,
Postgraduate
Philological Faculty
Lomonosov Moscow State University

Краткая версия рецензии опубликована в «Вопросах литературы» (2016. № 2).